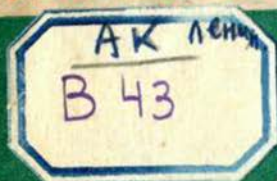

10 лет
Комсомола

Р. Викторов

Илья
и
Комсомола

1276/4

В-43.

1929

"молодая гвардия"

1-й экз ос. фонда

АК Ленин.
В43
КОМСОМОЛУ—ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Р. ВИКТОРОВ

ИЛЬИЧ и КОМСОМОЛ

(ВСТРЕЧИ КОМСОМОЛЬЦЕВ С ЛЕНИНЫМ)

21—40 тысяч

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1929

Типография Изд-ва «Молодая
Гвардия». Ленинград, В. О.,
5-я линия, 28. Заказ № 3566.
Главлит № А-42509. Печатн.
лист. 1. Тираж 20.000 экз.

821032

1. ВРЕМЯ ДОРОГО! К РАБОТЕ!

Москва. Осень восемнадцатого года. В шуме и грохоте столичных площадей, словно в кинофильме, снуют — откуда-то внезапно появляются и а-то быстро исчезают — грузовики и тарантасы, канки и косынки, ружья и шинели...

По тротуару идут — не идут, а почти бегут два х-то очень молодых и весело возбужденных пар- один держит в руках ведро, другой — грудку удивительно ровно подрезанных и будто только-что выпеченных листов. От них отдает свежей, невысохшей краской.

— Скорей! Живей! — торопят они друг друга.

Вот подскочили они к забору, выбрали на нем уголок поудобнее, что-то отодрав, жирно смочили листок клейстером и, любовно разглаживая выпятившиеся концы, наклеили:

«К союзам молодежи!

Товарищи! Стихийным движением вырастают по всей Советской России союзы рабочей и крестьянской молодежи. Вырвавшись из старых пут, мы инстинктивно находим тот путь, который ведет нас к светлomu будущему.

Мы страхнули вековой кошмар, тяготевающий над нами, и гордым сознанием наполняются наши души при мысли о том, что молодежь оказалась на высоте своего призвания».

Это воззвание кончалось:

«Всероссийский съезд должен положить начало организованной работе во всероссийском масштабе.

Пропагандируйте идею съезда, готовьтесь к нему!

Да здравствует III Интернационал!

Да здравствует Всероссийский съезд!

К работе! Время дорого!

**Бюро по созыву Всероссийского съезда союзов
рабочей и крестьянской молодежи».**

2. ТАМ, ГДЕ РОЖДАЛСЯ СОЮЗ

Долговязый дом этот скромно притаился в одном из кривых и узких переулков Мясницкой. Истом не увековечил его и поныне. А ведь там — в Политехническом музее — рождались мы — мы все, кому доводилось таскать бревна, закладывать кирпичи в сегодняшней стройке социалистического завтра.

Около двухсот птенцов, как назвал их Бухарин, — да не птенцов, а орлят, — слетелись сюда с необятных и разбросанных гнезд взрыхленной и перекорчеванной страны.

Первый съезд рабочей и крестьянской молодежи открылся. Их — этих союзов — много: «Союз рабочей молодежи имени III Интернационала», «Социалистический союз рабочей молодежи», «Союз проле-

тарской молодежи», но они не связаны между собой ни общей линией, ни общим руководством. И вот это должен теперь сделать съезд.

С коммунизмом или соглашателями? За советы или приторно сладкую фальшивую «демократию»? Нужно было решить эти вопросы. И первый съезд молодой гвардии ответил одним голосом, в одном порыве:

— С Лениным! С Либкнехтом! Под знамя Октября!

Вот его постановления:

«Союз солидарен с Российской Коммунистической партией, ставит себе целью распространение идей коммунизма и вовлечение рабочей и крестьянской молодежи в активное строительство Советской России. Союз является независимой организацией молодежи.

Союз называется: Российский коммунистический союз молодежи».

К общей досаде, «Старик» перегружен делами. Он не будет на съезде. Тогда съезд идет к нему.

Орлята решают: Ленина и Либкнехта избрать почетными председателями съезда. Освобожденному из тюрьмы Карлу послать телеграмму. Ильича приветствовать специальной делегацией.

Эта честь выпала президиуму.

3. ГОСТИ В КРЕМЛЕ

Несчастные счастливыцы (Союз в праве знать их имена: Цетлин, Шацкий, Рывкин, Герр, Безыменский, Ахманов, Сорвин и Дугачев), разумеется, страшно волновались. Некоторых из них одолевала

неумолимо истомляющая бессонница. Пуше всех, пожалуй, терялся Цетлин. Ведь его выделяли «обер-оратором». Именно он должен был обрадовать Ленина сообщением о закончившемся съезде.

— Ничего, всю ночь не буду спать, а что-нибудь уж придумаю, — утешал он себя.

— Не беспокойся! — подбодрял его Шацкий. — Если ты начнешь пороть чушь, я отдаю тебе ногу.

Надежда Константиновна, тогда особенно близко стоявшая к молодежи, взяла на себя организацию свидания. Беспощадно-строгий по части времени, Владимир Ильич назначил депутации определенный час с точным обозначением минут. А тут, по дороге в Кремль, приключилась история, едва не решившая судьбу свидания.

Случилось так, что некая совершенно безобидная и до того ничем не примечательная, самая обычная и заурядная овчарка попала под колеса быстро мчавшегося автомобиля. Несчастная, то ли по малодушию и классовой невыдержанности, то ли не в силах снести мучительных испытаний, позволяла себе издавать явственные звуки страдания. Звуки эти не могли не тронуть молодые, хотя и закаленные сердца комсомольских вождей. Немедленно же было инсценировано «экстренное», «внеочередное» заседание ЦК, которое без особых прений и дискуссий пришло к политически единственно правильным и организационно-выдержанным выводам.

Во исполнение единогласного постановления ЦК товарищ Дугачев прикончил наконец страдания грешницы. Но вся эта операция отняла немало вре-

мени, и, что требовалось доказать, молодые ветераны порядком опоздали на свидание. Неблагодарная покойница-овчарка заставила теперь их лишних два часа мучиться в ожидании¹.

Наконец гуськом, по одному, они вошли в кабинет Ильича, тот самый, который запечатлен в миллионах рисунков и фотографий. Светлая, просторная комната, знаменитый, весь уставленный книгами шкаф и большущий письменный стол.

Вот он — такой приветливый и улыбающийся, с сократовской головой, громадной, излучающейся лысиной, рыжеватой бородкой, блестящими, лукаво-прищуренными глазами, весь — движение, весь — воля, — они видят его перед собой живым, здоровым, бодрым. А ведь только-что отзвучали выстрелы Каплан... Вчера еще он боролся со смертью, которую хотели послать ему белогвардейские Шарлотты Корде, вчера только они пытались обезглавить революцию, отравить ее мозг, ее сердце. Мужественно боролся Ленин со смертью и в несколько недель он победил ее на страх врагам, на радость революции.

Первое впечатление об Ильиче? Простой! Удивительно простой!

Вот как товарищ, как свой, как ровесник, он таскает недостающие стулья из другой комнаты, здороваешься, усаживает гостей. Где бывала робость, растерянность, смущенность? От них не осталось и следа. Да и некогда робеть. Сразу же Ильич начинает

¹ В основу брошюры положены немногие и небольшие воспоминания об Ильиче гг. Шацкого, Лунина и Плясунова.

оживленную беседу со всеми делегатами одновременно.

В ту минуту, как обер-оратор стал приоткрывать свой рот, Ленин, перебив его, начал засыпать депутатов градом вопросов.

Бесспорно, приготовленная речь Цетлина пропала. Пропали плоды бессонной ночи. Оставалось коротко сказать Ильичу «самое важное», как полагали гости. И, выждав паузу, обер-оратор гордо выпалил:

— А мы решили переименовать союз в коммунистический!

Напрасно ожидали от Ильича одобрения. Не теряя нити разговора, он холодно и небрежно заметил:

— Дело не в названии!

Цетлин, обескураженный, видимо, таким неожиданным замечанием, порывался было сказать что-то еще, но в последнюю минуту чья-то нога в сорок лошадиных сил до того сильно придавила его, что у Ефима разом отнялся язык...

А Ильич тем временем продолжал расспрашивать кого о Питере, кого о Москве, Западе, интеллигенции, журнале для молодежи.

Женю Герр, единственную среди делегатов девушку, он спросил:

— Сколько девушек на съезде?

— Девять штук, — при общем хохоте выпалил Безыменский.

Гости не успевали отвечать на острые, пытливые вопросы Ильича.

Через десять — пятнадцать минут запас тем был истощен совершенно — так быстро и широко

Владимир Ильич сумел охватить все основные вопросы Союза.

Наконец он задал последний и совершенно неожиданный вопрос:

— Ну, а как у вас с финансами?

Финансы?! В лучшем случае о них можно было только мечтать в эти дни. Ведь Союз только-только вышел из чрева революции.

Тотчас же Ильич взял лист бумаги и, написав что-то, протянул его депутатам.

— Это — к Свердлову. — И он мило и ласково прощается с молодыми гостями.

Когда согретые и тронутые великой простотой и теплым участием ребята прочитали ленинское письмо, в памяти возникло подчеркнутое:

Партия должна поддержать Союз молодежи

Яков Михайлович, всегда с полуслова понимавший Владимира Ильича, не замедлил надлежащими выводами. Ленинскую формулу он перевел на язык арифметики и выдал ЦК из партийной кассы 30.000 рублей — сумму довольно значительную по тому времени. Письмо это принесло, однако еще большую пользу. ЦК догадался сохранить его, и в трудную минуту оно не раз выручало Союз.

Уходили посланники от Ильича радостные и сияющие. Ильич понял их! Наполнил бодростью, свежими силами. И в каждом упорно билась мысль:

— Название оправдаем!

4. ПЕРВАЯ ОППОЗИЦИЯ

Грозный 20-й год. «Правда» от 3 октября. Сухие, почти скудные слова, набранные петитом. Но разве не слышится в них дыхание эпохи, ее смысл, ее стиль?

МОБИЛИЗАЦИЯ КОММУНАРОВ

Екатеринбург, 20 сентября. На-днях в Екатеринбурге состоялись торжественные проводы товарищей-коммунистов, мобилизованных Екатеринбургским губерньским комитетом РКП на Западный фронт.

ПРОВОДЫ ДОБРОВОЛЬЦЕВ

Иркутск, 15 сентября. 17 сентября рабочие Иркутска торжественно проводили партийных добровольцев на Южный фронт. Железнодорожная ячейка постановила отремонтировать паровоз и вагоны для Западного фронта.

ДОБРОВОЛЬЦЫ-КАВАЛЕРИСТЫ

Петропавловск, 24 сентября. Из Петропавловска отправились на фронт добровольцы-кавалеристы. Многие из них пришли с собственными лошадьми. Волна добровольчества докатилась до окраин уезда.

На-днях в одной волости с партией добровольцев-кавалеристов прибыл старик 60 лет и одна женщина.

Молчат заводские гудки. Не видно фабричного дыма. Разобраны пшалаы. Все чаще и чаще растут свежие холмы железнодорожных кладбищ. Тысячами покоятся здесь вагоны и паровозы, которые так

нужны стране, облачившейся в хаки. Осиротели крестьянские поля. Пустеют крестьянские избы. Большинство — на фронтах. Сколько их — не перечесть. Женщины шьют и чинят белье, собирают вещи, суррогаты табака и хлеба. Изголодавшимся, износившимся бойцам — это немалая подмога. А тут еще вошь... Свирепейший из партизан, союзник черной сотни миллионами косит пролетариев. Барон, пан, сыпняк, голод...

В такой обстановке собирается третий комсомольский съезд.

«Этому съезду, — писал тов. Бухарин в «Правде», — предстоит, повидимому, сыграть крупную роль в истории юношеского коммунистического движения в России. Стоит только посмотреть на делегатов, съехавшихся с громадной территории, начиная с Дальнего Востока и кончая Архангельской губернией, Западным краем и Кавказом, чтобы увидеть, какой, несмотря на все неблагоприятные условия, крупный шаг вперед сделало движение. На первом и втором съезде перед нами были еще совсем неопытные, не оперившиеся птенцы, которые еще только нащупывали пути. Теперь большинство съезда — юноши и девушки, прошедшие уже довольно серьезную, иногда военно-боевую школу; они говорят, рассуждают, председательствуют, — вы сразу видите, что это уже опытный народ».

В те годы Союз мало походил на теперешний. Странно, но в комсомольском обиходе не было тогда ни бытовых ядер, ни фабзавучей, ни даже легкой кавалерии. Быть комсомольцем — тогда значило уметь

владеть винтовкой и порохом, неделями не спать в окопах, довольствоваться спаленной и продырявленной гимнастеркой, осьмушкой хлеба и щепоткой сахара, силой забирать у кулаков хлеб и самогон, взрывать мосты, пилить на субботниках дрова и чинить паровозы, понимать «азбуку коммунизма», уметь не только наступать, но и отступать, не страшась смерти.

Но один «грешок» числился за Союзом и тогда: зубастая отчаянная склока—традиционная болезнь, не излеченная и поныне.

Как-раз перед самым с'ездом комсомол переживал отчаянную склоку с членом ЦК тов. Дунаевским. Правда, склока эта была выражением общего кризиса Союза. Главной, хотя далеко не единственной причиной кризиса был гигантский рост Союза. На первом с'езде в 1918 году Союз насчитывал в своих рядах 20.000 юных пролетариев, в следующем году, на втором с'езде—уже 90.000, а к моменту третьего с'езда, в 1920 году, эта цифра выросла до 400 тысяч. Охватить всю эту колоссальную массу новичков было почти непосильной задачей для ЦК, целиком поглощенного в то время военно-боевой работой.

Спорили тогда о многом. Дунаевцы считали, что комсомол должен получить большую самостоятельность и независимость от партии, и требовал чуть ли не организации особых советов... рабочей молодежи. Его единомышленник Гарбер предлагал даже создать специальную... юную коммунистическую партию.

Считая, что комсомол должен быть коммунистическим не только по программе, но и по составу («А то

уж больно много у нас шкурников, карьеристов и всякой сволочи!»), Гарбер писал:

«Российский коммунистический союз молодежи идет по пути превращения в Союз коммунистической молодежи, т. е. в юную коммунистическую партию... Наша задача заключается в том, чтобы процесс превращения первого во второй (РКСМ в РСМ) ускорить, факт создания Союза коммунистической молодежи приблизить. Надо всей массе рабоче-крестьянской молодежи громко заявить, что мы являемся революционной организацией и коммунистическим объединением. Пусть все беспартийное юношество знает, что у нас не только учатся, но и на фронт посылают сражаться, умирать, если этого требуют интересы революции. Словом, пусть будет известно всей молодежи, что члены нашего Союза пользуются не только правами, но и несут известные обязанности...»

Спорами однако дело не ограничивалось. Оппозиционные группы и группочки нарушали постановления ЦК, открыто ломали дисциплину Союза. Они выпускали нелегальные листовки и прокламации, писали на места в провинциальные губкомы инструктивные письма, захватили в свои руки «Юношескую Правду», орган Московского комитета, и чуть ли не всю московскую организацию, пытались даже созвать подпольный всероссийский с'езд—одним словом, устроили форменный заговор против ЦК. Постепенно скопляя свои силы и развертывая фракционную работу, они смогли уже перед самым с'ездом, на третьем пленуме ЦК, «протащить» резолюцию недоверия ЦК.

Обстановка в Союзе создалась крайне напряженная, и разрядить эту атмосферу должен был и мог только третий съезд.

— Положение было настолько серьезным, — вспоминает тов. Шацкий, — что ЦК уполномочил меня информировать Владимира Ильича о положении и одновременно просить его сделать политический доклад на съезде.

Ленин не любил подавлять своим авторитетом коллективную волю партийного штаба, и когда Шацкий нарисовал ему жуткую картину взаимного дерганья, взаимных уколов и травли в Союзе и потребовал снятия склочников с работы, Ленин со свойственной ему осторожностью заявил, усмехаясь:

— Ужо оргбюро разберет и разрешит!

И, улыбаясь, добавил:

— А доклад на съезде я сделаю.

5. В ТРЕТЬЕМ ДОМЕ

Медленно, черепашим шагом подбирается поезд к Москве. Рыжие теплушки, словно мухами, усеяны серыми солдатскими шинелями. Где их только нет? Они и на площадках, и на буферах, и на крышах вагонов. В «штабном», «делегатском» вагоне, подняв под себя вещевые мешки, важно расположились молодые пассажиры. По длинным, годами не мытым шевелюрам, по кобурам и наганам, по огромным семимильным мандатам, по задумчивым, не в меру серьезным лицам сразу можно догадаться, что это не «простые». Здесь — командированные в Мо-

скву продработники, вызванный на доклад предгубчека, делегатки на съезд работниц, партийные инструктора, военные командиры и, между прочим, комсомольцы с путевкой на съезд.

В последний раз пронзительный свист паровоза. Последние клубы пара, последний нечеловеческий толчок, от которого с грохотом валятся вещи и люди.

Стоп! Приехали!

На вокзале здоровенными синими буквами делегатов встречает плакат:

Привет делегатам третьего съезда РКСМ!

И еще:

**Мандатная комиссия третьего съезда РКСМ
помещается в Третьем доме советов —
Садово-Каретная.**

На Каретно-Садовой, в исторических стенах Третьего дома, где и до сих пор останавливаются делегаты всяческих съездов, совещаний, сессий и конференций, их собралось несколько сот — горячих, пламенных, страстных, высеченных из одного куска гранита, несмотря на внешнее разнообразие и пестроту.

Вот этот, с перевязанной головой, едва вырвался из разбойничьих лап антоновской банды. Другой, высохший и смертельно бледный, с холодно-спокойными глазами, только-что оправился от сыпняка. А вот и девушка. Смуглая кожа, черные, как смоль, волосы и ослепительно-белые зубы выдают ее восточное, тюркское происхождение.

И туго до краев набитых спальнях раз в году здесь вятичи встречаются с бакинцами, архангельцы — с новгородцами, минчане — с пермяками.

В комнате мандатной комиссии шумно, накурено, тесно, трещат телефонные звонки, бегают и суетятся делегаты, стучит неугомонный «ундервуд». Раздают литературу, блокноты, обеденные талоны. Внизу, в огромной столовой, образовалась длинная очередь. Стоят за супом. Жидкий, в окружении картошки, маленькой порции жирной солонины и фунта хлеба, он куда лучше провинциального. А второе и компот вызывают у ребят прямо-таки революционный энтузиазм.

За обедом жаркие, почти бурные дискуссии. Щупленький москвич-«дунавец» с хорошо подвешенным языком «обрабатывает» сибиряка. Он ежеминутно поправляет неспадающее пенсне и, энергично жестикулируя, грозит:

— Погоди, покажем мы им перцу! Дунаевского! Володю Дунаев... И-извиня-яюсь, товарищи!

Но и сибиряк не сдается:

— Да что ты в самом деле треплешься? Володя да Володя! Погубить Союз хотите, склочники, интеллигенция несчастная?!

— Что-о, интеллигенция? — яростно вопит москвич. — Постой, да ты с какого года в Союзе, а? — и он ехидно смотрит в сторону противника.

— Я-то? С восемнадцатого. А что?

Тот разочарованно почесывает затылок, несколько секунд стоит молча, в растерянности, а потом, что-то вспомнив, находится:

— Ну, а с месяца? С месяца какого, говори?

— С месяца? Да не все ли равно? Ну, с мая.

— А-а, с мая! Слыхали? С маа-ая! Ну, а я, брат, с января! Вот! Зелен еще, милоч!

В спор вмешиваются владимирцы, саратовцы, пензенцы, туляки

Порой дискуссия принимает острый, угрожающий характер.

— Трепачи, — сыплется с одной стороны.

— Бузотеры, — отвечают с другой.

— Шпана...

— Карьеристы.

Чистят чуть ли не матом.

— Ребята! Ребята! — заглушает всех чей-то перихонский бас. — На с'езд! Пора на с'езд!

— То-то! — почему-то самодовольно замечает москвич.

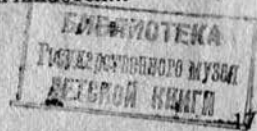
Общий смех. Здоровая махина — сибиряк, только что в пылу спора награждавший противника тысячью колких словечек, дружественно обнимает теперь москвича.

— Ну, пойдем, что ли, в Свердловку, оппозиция! Будет губами шлепать. Там на с'езде поговорим.

— В Свердловку! В Свердловку! — переносится снизу, из столовой, наверх.

— На Малую Дмитровку, — перекатывается сверху, из спален, вниз.

И с'ездовская лихорадка начинается...

6. ЗАВЕЩАНИЕ ПОКОЛЕНИЮ

А вечером 4 октября Свердловка уже набита битком. Мест нет. И люди усеяли всю трибуну, заполнили окна, сидят, чуть не лежат друг на друге. Но сквозь боевой и задорный гул, сквозь бодрящие песни и смех этой тесноты не заметно.

Сергей поп, Сергей поп,
Сергей дьякон и дьячок, —

поют на галерке.

Им подпевают задние ряды, партер. А впереди чей-то густой и сильный баритон начинает:

— Да здравству-ет Ле-е-нин —

Вождь ре-во-лю-ции!..

Середина и окна под властью украинцев.

— Гоп ма-аи гре-ча-ны-ки... —

раздается здесь под аккомпанемент приударивающих ладоней и бравый пронзительный свист.

— Лезгинку! Лезгинку даешь! — просит успевшая устать галерка.

— Шамяля! — эхом вторят задние ряды.

Но голоса их тонут в общем потоке голосов. Тонет в нем и председательский звонок в руках Шацкина, появившегося на трибуне.

Наконец ему удается установить тишину и порядок.

— По поручению ЦК третий съезд РКСМ объявляю открытым.

Последние слова заглушает мощный «Интернационал». Избирается президиум. Утверждается порядок дня.

Было ровно восемь часов, когда впереди вдруг раздалась громкие аплодисменты, перекатились снизу вверх на галерку, с галерки — на пол, окна.

Весь зал встал, вытянулся и заревел, зарычал в громовом восторге.

— Ленин!

Родная лысина блеснула светом люстр. Под серым и тусклым портретом — живой, улыбающийся Ильич. Быстро разгружается он от шубы, пробирается к трибуне. Навстречу ему идет председатель. Пока зал трещал, разрывался от рукоплесканий и криков приветствий, между ними произошел следующий диалог:

— Тов. Ленин, я предоставляю вам слово для доклада о текущем моменте.

Ильич решительно покачал головой.

— Нет, о текущем моменте я читать не буду.

— Как так? — спросил удивленный Шацкин.

— Да так, — улыбнулся в ответ Ильич. — Я буду читать о задачах союза молодежи или вовсе не буду.

Шацкин, растерявшись, что называется, выучил глаза.

— Позвольте, но ведь у вас никакого материала не было...

Ильич хитро прищурил глаз и вытащил из кармана небольшой, весь исписанный клочок бумаги:

— Не беспокойтесь!

Оказывается, «Старик» уже успел набросать довольно подробный план речи.

Смущенный председатель зазвонил колокольчиком и торжественно объявил:

— Слово имеет тов. Ленин.

Новый бешеный взрыв аплодисментов. Оглушительная овация. «Интернационал».

Когда восторг улепс и шум умолк, Владимир Ильич прикинулся вперед к трибуне и начал мягким, слегка картавым голосом.

— Товарищи, мне хотелось бы сегодня побеседовать на тему о том, каковы основные задачи Союза коммунистической молодежи и, в связи с этим, каковы должны быть организации молодежи в социалистической республике вообще.

Делегаты скованы торжественной тишиной. Ильича слушают напряженно, ловя каждое его ударение, каждый жест и дыхание.

А он мелкими шажками удалялся от трибуны, снова подступал к ней, сгонял набегавший на лоб пот, жестикулировал то одной рукой, то другой, то обеими вместе, выгибался вперед и в стороны, останавливался, на секунду замолкал и снова продолжал:

— Эти задачи молодежи вообще и союзов коммунистической молодежи и всяких других организаций в частности можно было бы выразить одним словом: задача состоит в том, чтобы учиться.

Зал не сводил глаз с вождя.

— Но что значит учиться?

И он горячо, подробно и долго объясняет, что нельзя увлекаться одними только коммунистическими лозунгами, что, осуждая старую школу с ее муштрой

и зубрежкой, нужно ценное позаимствовать и у нее, что, учась, нельзя отрываться от жизни, живого дела, борьбы.

Зал словно замер. Долгими минутами застывают в одном положении головы, руки, ноги. Некоторые переглянутся между собой на секунду, словно читываясь друг в друга, потом снова откинут голову, слушают и торопливо, на ходу, записывают. Напряжение росло со временем.

— Об учебе — это хорошо. Но что скажет дальше? Барон, пан, голодуха?..

А дальше Ильич говорил... опять об учебе и еще об учебе и еще.

Это начинало удивлять. В свежем номере «Правды» жгли, кровь переливали черные беспокойные буквы:

«ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ОТ 4 ОКТЯБРЯ»

Западный фронт. В **Новогрудском** направлении восточнее Немана наши части, согласно приказа, продолжают отход на новые позиции. В **Несвижском** районе идут бои с частями противника, проникшими в район севернее города Несвижа. Южнее Несвижа наши войска занимают позиции по линии реки Лань».

Ленин же спокойно зовет молодежь... учиться.

— Коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которое добыло человечество.

«Правда» напоминает:

«В **Пинском** районе наши части после упорного боя оставили станцию Дулинец и отошли на линию реки Смерть...»

А с трибуны доносится:

— Молодое подрастающее поколение... может учиться коммунизму, только связывая каждый шаг своего учения, воспитания и образования с непрерывной борьбой пролетариев и трудящихся против старого эксплуататорского общества.

С окопов летит волнующее, тревожное:

Юго-Западный фронт. В Летичевском районе после неоднократных атак противник овладел городом Летичевым...

Южный фронт. В Енатинославском районе наши части оставили станцию Синельниково и ведут бой на железной дороге Енатинослав—Синельниково.

Ильич же упрямо разъясняет:

— Коммунизм состоит в том, чтобы та молодежь, те юноши и девушки, которые состоят в союзе молодежи, сказали: это наше дело, мы объединимся и пойдем в деревню, чтобы ликвидировать неграмотность, чтобы наше подрастающее поколение не имело безграмотных.

После речи Ильич отвечал на записки. Он читывал их вслух, иногда дважды, иногда повторял последние слова, отвечал, откладывал в сторону.

Спрашивали о фронтах, продразверстке, Западе, и почти никто — об учебе.

Из рук его каким-то образом выпала записка. Наш брат не обратил бы на это внимания. Не то Ильич. Он полез под трибуну и долго там возился. Зал стал кашлять, по рядам прошел громкий шопот. В президиуме задвигали стульями. Двое из президиума полезли на помощь Ильичу и извлекли наконец оттуда

крохотную бумажку. Ильич аккуратно развернул ее и стал вчитываться.

— Что правильнее: РКСМ или РСКМ?

Ильич принялся медленно расшифровывать.

— Это значит Российский коммунистический союз молодежи... или Российский? Ну, да, Российский союз коммунистической... Ну и что?

Он вопросительно посмотрел на зал и вдруг почти раздраженно заявил:

— Не вижу никакой разницы!

Зал разразился громким дружным хохотом. Вот так-так! Столько спорили, нервничали, ломали на этом карандаши и ручки, копы и головы, а разницы-то, оказывается, никакой и нет. В президиуме зазвонили, но смех все не утихал. Ильич улыбался, но позже, когда водворилась тишина, снова и еще более сердито заявил, что дело не в названии, а в работе.

Потом он ответил на последнюю записку, стрел всю бумажную кучу в карман, ласково посмотрел на зал и сказал:

— Вот и все!

Снова поднялся зал и снова, тысячью глоток прожоя, затянул «Интернационал».

Пел и Ленин.

Сначала удивлялись, недоумевали: учиться! Не рано ли? Приспело ли время? Нет ли чего поважней?

Потом поняли: речь Ленина — это завещание на многие лета, почти на эпоху. И хорошо, что он произнес именно ее. Одним докладом о текущем моменте меньше. Зато больше на целую программу!

7. ОДНАЖДЫ В СТО

Лето двадцать первого года. Первое лето нэпа. И первые его удары.

На Воздвиженке в небольшом здании Цекамола — сутолока и давка. Толпится народ в учраспреде. Ждут командировочных удостоверений, проездных, пайка. Пакет несложный: селедка, сахар, консервы, хлеб. В экспедиции, сплошь набитой тюками, отпускают «местным» свежую литературу: последние номера «Юного Коммуниста» (двадцать пять экземпляров на губернию — больше нельзя!), пару-другую тощих брошюр, отпечатанных на желтой оберточной бумаге и разваливающихся при малейшем прикосновении.

Но особенная теснота в экиправе. Заведующего, уральского наборщика Федю Плясунова, буквально осаждают со всех сторон. Ребята забрались с ногами на его стол, двое с боков подсади к нему на стул, один навалился на Плясунова сзади. Под этим «прессом» с Федей льется седьмой пот. Но что с того? На посту «пропадать» не обидно. А пост — невероятно тяжелый.

Нэм с его хозрасчетом, рынком, деньгами больно ударил по рабочей молодежи. Промышленность и транспорт, нуждавшиеся в квалифицированной рабочей силе, пачками выбрасывали молодежь на улицу. Молодежь забила тревогу. На бедного Федю все шишки валились. Цекапол не успевал отдышаться от писем и телеграмм.

«В Иванове — сокращено восемьсот».

«В Туле — тысяча».

«В Брянске — две тысячи».

Москвичи же заявлялись сюда своей собственной персоной. Цекапол превратился в форменный комиссариат по делам рабочей молодежи. Нужно было как-то выйти из положения, остановить угрожающую волну увольнений, ввести ее в нормальное русло. Но как? Решил обратиться в СТО и ВЦСПС со специальным проектом о порядке увольнения рабочих подростков.

Проект — сколько над ним коптели ребята! — только что обсуждался на комиссии СТО и ВСНХ. Важные бородатые дяденьки из наркоматов исписали целую гору бумаг, не пожалели моря чернил ради своих собственных проектов. И хотя чекисты вместо одного представителя послали туда «на арапа» целых трех и вместо одной руки подымали три, важные дяденьки, разумеется, провалили комсомольский проект пункт за пунктом, разделив его под орех.

Теперь экиправщики ломали себе голову: как быть? Неужели сдать и похерить проект? Неужели молча смириться с массовым сокращением рабочей молодежи?

— Нет, этого нельзя так оставить, — непримиримо заявил один.

— Пусть знают, что с комсомолом шутки плохи, — поддерживает его другой.

— До Ильича дойдем, а не сдадимся, — решительно вставляет в свою очередь Федя.

Так и решили. Пойти в СТО к Ленину.

Выделенные делегаты стали энергично готовиться к заседанию. Собирали телеграммы и письма

с мест, цифры и факты. Разделили, распределили между собой роли, чтобы вернее отстаивать свою точку зрения, убедить Ильича.

Наконец наступил трепетно ожидаемый день заседания. Первое июля 1921 г.

Илясунов с товарищем направились в Кремль. Робко один за другим вошли в комнату заседания. За длинным столом по обе стороны восседают члены правительства. В центре у стола, перпендикулярно к нему расположенного, — Владимир Ильич. В зале царят строгая дисциплина, чистота и порядок. Никто не курит.

— Не то, что у нас, — сразу почувствовали ребята.

Завидев их, Ильич добродушно улыбается и указывает на пустые кресла.

— Вы — представители комсомола? — хитро подмигивая, спрашивает он.

Смущенные, точно красные девицы, комсомольцы бормочат в ответ что-то невнятное и усаживаются оба на одном кресле.

Не теряя ни одной минуты, Ильич объявляет:

— Следующий вопрос — о сокращении штатов подростков — доклад комиссии ВЦСПС. Кто будет докладывать?

Председатель злополучной комиссии начинает зачитывать свой проект «Постановления ЦО о порядке увольнения подростков в промышленности».

Ильич спрашивает:

— А разве на транспорте сокращение не производится? Припишите — и на транспорте.

Потом он заявляет, что проект не совсем удачен, что в нем слабо разработаны меры борьбы с безработицей подростков. Комсомольцы чувствуют себя на седьмом небе.

— Вот Ильич им сейчас покажет! Будут знать, как отклонять наши предложения! — И на радостях Федя поднимает руку. Ильич замечает ее.

— Слово имеет представитель комсомола, — объявляет он, скользя своим добродушным взглядом по Феде.

Много хотел сказать Федя. Ой, как много! А сказал только два слова. Не согласны, мол, с комиссией. Просим зачитать проект по пунктам.

Так Ильич и сделал. Стали разбирать проект по пунктам. Первый пункт общий и пустой, который почему-то с пеной у рта отстаивали на «комиссии» цекисты, «засыпал» сам Ильич.

Ребята слегка упали духом. Но когда вскоре Ильич стал защищать их предложение об организации из безработных подростков отрядов по уборке урожая в деревне, комсомольцы ожили снова.

— Молодежь нуждается в деревенском воздухе, — пояснил Ильич.

Затем стали вносить поправки к проектам. Ребятам, против обыкновения, Ильич времени не ограничивал. Только лукаво улыбался и подмигивал. Много и на этот раз они не сказали. Заплетался язык, терялись слова, все лишнее отлетало, и они сухо, но зато деловито изложили свои требования.

В ответ Ленин заметил, что поправки ребят очень ценные, но что их нужно провести не здесь, а в дру-

гом месте. И он битых полчаса разъясняет каждому, куда именно обратиться, как, в какой форме провести намеченные мероприятия.

Пользуясь присутствием Ильича, ребята получили у представителей наркоматов обещания, что те, каждый по своей линии, издадут законы, смягчающие безработицу и улучшающие положение под-ростков.

Ильич, как всегда, в трудную минуту пришел на помощь комсомолу.

Не прошло и недели, как по всем спорным вопросам ЦК получил точные и ясные решения.

Волна безработицы пошла на убыль.

8. ЗАПОМНИМ И ДОКАЖЕМ

Человек, которому суждено было перевернуть весь мир, человек, который все 24 часа в сутки думал о революции и работал во имя ее, человек, одним своим именем вдохновлявший красноармейца на фронте, стрелочника — на железной дороге, крестьянина — за сохой, работницу — за корытом, индуса — на плантациях, — этот человек, Ленин, не раз находил время и для молодежи.

В тяжелые годы войны, когда в угоду золотому тельцу миллионы людей отрывали от станка и плуга, одевали в серые солдатские шинели и маски, гнали на кровавую мясорубку и превращали в пушечное мясо, только две руки, только два голоса поднялись против бессмысленной зверской бойни. Это были Ленин и Либкнехт.

Ленин собрал тогда вокруг себя все лучшее и передовое, что было среди революционной молодежи Запада. Вот что писал он, будучи в эмиграции, в международный орган социалистического юношества «Интернационал Молодежи»:

«Разумеется, теоретической ясности и твердости в органе молодежи еще нет, а может быть, и никогда не будет именно потому, что это организация кипящей, бурлящей, ищущей молодежи. Но... одно дело — сбивающие пролетариат с толку **взрослые** люди, претендующие на то, чтобы вести и учить других; с ними нужна беспощадная борьба. Другое дело — организация **молодежи**, которая открыто заявляет, что они еще **учатся**, что их основное дело — готовить работников социалистических партий. Таким людям надо всячески помогать, относясь как можно терпеливее к их ошибкам, стараясь исправлять их постепенно, путем преимущественно убеждения, а не борьбы».

И он исправлял, разъяснял, убеждал...

В Октябрьские дни, накануне великого переворота, он, руководя подготовкой к восстанию, не только не забывал о молодежи, но и отводил ей главную роль в исходе борьбы. Вот что он тогда указывал партии:

«Выделить **самые решительные** элементы (наших «ударников» и **рабочую молодежь**, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и для участия их везде, во всех важнейших операциях.

Окружить и отрезать Питер, взять его комбинацией атак флота, рабочих и войск — такова задача, требующая **искусства и тройной смелости**.

Составить отряды наилучших рабочих с ружьями и бомбами для наступления и окружения «центров» врага (юнкерские школы, телеграф, телефон и пр.) с лозунгом: погибнуть всем, но не пропускать неприятеля.

Будем надеяться, что в случае, если наступление будет решено, руководители успешно применят великие заветы Дантона и Маркса: **смелость, смелость и еще раз смелость».**

«Погибнуть, но не пропускать неприятеля», «искусство тройной смелости», «участие везде, во всех важнейших операциях», — вот какие надежды возлагал Ленин на молодежь! Вот как верил в нее!

И пролетарская молодежь шла бороться, побеждать, умирать, оправдать доверие Ильича.

В бурные годы революции, когда мозг вождя кипел в думах о фронтах, голоде, холоде, сыпняке и разрухе, Ленин снова и снова приходил на помощь молодежи: то запиской, то советом, то партийной кассой.

Но самую важную неоценимо-дорогую, бессмертную помощь он оказал нам своей речью на Всероссийском съезде. В ней он завещал:

Учиться, учиться и еще раз учиться.

Связывать свое дело, свой труд, свою жизнь с делом, трудом и борьбой всех пролетариев.

Каждым шагом быть примером для всей молодежи. Не кичиться, не хвастаться своей принадлежностью к Союзу, своим наименованием коммуниста, а живой работой оправдывать это почетное звание.

Быть верным, дисциплинированным солдатом революции.

Ленинские заветы на всю жизнь должны запомнить каждый комсомолец, каждая комсомолка, каждый молодой рабочий и работница, крестьянин и крестьянка. Запомнить, чтобы воплощать в действие.

Это обещал наш шестой съезд, когда переименовал союз в Ленинский коммунистический союз молодежи.

Высоко и свято будем же хранить это самое почетное в мире звание.

Вспомним, что сам Ленин был настоящим ленинцем. Еще с «комсомольского» возраста он начал свою верную и упорную службу рабочему классу. И эту верность и упорство он пронес до конца своих дней.

Он был ленинцем не только в борьбе, но и в быту. Необычайная скромность, огромная работоспособность, точность во всем, глубокое изучение и критическое восприятие всего окружающего, непоколебимая принципиальность, чуткое и внимательное отношение к товарищам, подчинение своих личных интересов интересам коллективов, класса и партии — все эти черты должен перенять и впитать каждый из нас.

Будем же достойными учениками своего учителя. Что бы мы ни делали, куда бы ни забросила нас с вами судьба, запомним:

— Ленинцы!

И докажем:

— Настоящие!

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Время дорого! К работе!	3
2. Там, где рождался Союз	4
3. Гости в Кремле	5
4. Первая оппозиция	10
5. В Третьем доме	14
6. Завещание поколению	18
7. Однажды в СТО	24
8. Запомним и докажем	28

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ

МОСКВА, Новая пл., 6. ЛЕНИНГРАД, Проспект 25 Ок-
тября, 66. ХАРЬКОВ, Горьковский переулок, Дворец
Труда, комн. 15. КИЕВ, улица Воровского, 25, пассаж, 33.
РОСТОВ на ДОНУ, улица Фридриха Энгельса, д. 102.
ТАШКЕНТ, улица Карла Маркса, 23. СВЕРДЛОВСК,
улица Малышева, 62. ВОРОНЕЖ, площадь Революции, 20
САМАРА, Ленинградская улица, 37. НИЖНИЙ-НОВГОРОД,
улица Свердлова, 8. САРАТОВ, улица Республика, 17.